

О некоторых случаях отфраземной деривации существительных в языке и речи второй половины XIX в. (на материале эпистолярных текстов русских писателей)

Юлия Георгиевна Захарова, Тихоокеанский государственный университет (Россия, Хабаровск),
zug1977@inbox.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040075

АННОТАЦИЯ: В статье на материале писем А. И. Герцена, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и других источников исследуется феномен отфраземной деривации во второй половине XIX в. Приводится определение понятия *фразеодеривационное (разноуровневое) гнездо*: межсистемное образование, включающее фразеологическую единицу и ее лексические дериваты, созданные разными способами и упорядоченные отношениями формально-семантической производности на каком-либо хронологическом срезе. Семантическое единство такого гнезда базируется на общем значении, конденсированном в исходном фразеологизме, а структурное — на наличии во всех производных хотя бы одного компонента (основы компонента) производящего фразеологизма. Рассматриваются 1) явление лексико-фразеологической конденсации (имплицирования компонента) во фразеологизмах с опорным словом *ходули*, *Лазарь*, а также прослеживается образование дериватов в связи с формированием нового значения существительного (*ходульный*, *ходульность*, *ходульно*; *лазарить*, *лазарничать*, *лазарничество*); 2) способ

агглютинации компонентов качественно-обстоятельственных фразеологических единиц с суффиксацией (на базе сочетаний *без pardona, от себя — беспардонный (беспардонность), отсебятина*); 3) окказиональный способ сложения основ (компонента фразеологизма и аффиксоида — *гименомания*).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык XIX в., отфраземная деривация, лексико-фразеологическая конденсация, неологизм, потенциальное слово, окказионализм

для цитирования: Захарова Ю.Г. О некоторых случаях отфраземной деривации существительных в языке и речи второй половины XIX в. (на материале эпистолярных текстов русских писателей) // Русская речь. 2024. № 4. С. 79–89. DOI: 10.31857/S0131611724040075.

From the History of the Russian Language

On Some Cases of Phrasemal Derivation of Nouns in Language and Speech of the Second Half of the 19th Century (Based on Epistolary Texts of Russian Writers)

Yuliya G. Zakharova, Pacific State University (Russia, Khabarovsk), zug1977@inbox.ru

ABSTRACT: The article explores the phenomenon of phrasal derivation in the second half of the 19th century based on the letters of A. I. Herzen, I. S. Turgenyev, A. P. Chekhov, as well as other sources. We provide a definition of the *phraseoderivational (multi-level) nest* concept — an intersystem formation that includes a phraseological unit and its lexical derivatives, created in different ways and ordered by the relations of formal-semantic derivation at a certain period of time. The basis of the semantic unity of such a nest is a common meaning condensed in the original phraseological unit, while the

basis of structural unity is the presence of at least one component (the basis of the component) of the generating phraseological unit in all derivatives. We consider 1) the phenomenon of lexical-phraseological condensation (implication of a component) in phraseological units with the reference word *khoduli, Lazar'*, and also trace the formation of derivatives in connection with the formation of a new meaning of the noun; 2) a method of agglutination of components of qualitative-adverbial phraseological units with suffixation (based on combinations *bez pardona, ot sebya*); 3) an occasional method of adding bases (components of phraseological units and affixoids).

KEYWORDS: russian language of the 19th century, phrasal derivation, lexical-phraseological condensation, neologism, potential word, occasionalism

FOR CITATION: Zakharova Yu. G. On Some Cases of Phrasemal Derivation of Nouns in Language and Speech of the Second Half of the 19th Century (Based on Epistolary Texts of Russian Writers). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 4. Pp. 79–89. DOI: 10.31857/S0131611724040075.

Вторая половина XIX в. — время активного пополнения словарного состава русского языка отвлеченными существительными. Самым продуктивным способом образования таких слов была суффиксация [Захарова 2021: 718], например, в эту эпоху появился ряд дериватов с суффиксом *-ость-* (*бонтонность, зализанность, интеллигентность, интимность, картинность, покладливость, портативность, прочувствованность, тенденциозность, целесообразность*), *-ств-* (*вегетарианство, декадентство, злопыхательство, ипокритство, культуртрегерство, реставраторство, смутьянство*), *-ниј-* (*-ениј-*) (*бойкотирование, игнорирование, самоистребление, самооскопление*), *-изм-* (*бакунизм, китаизм, нигилизм, штундизм*) и др.

Еще одним способом образования неологизмов являлось создание *отфразеологических дериватов* — новых слов, производных на базе устойчивых сочетаний [Алексеев и др. 2003]. Эпистолярные тексты русских писателей содержат интересные примеры таких единиц узуального (языкового) и незуального (речевого) типа. Новое отвлеченное существительное могло появляться в составе так называемого фразеодеривационного [Белоусова 1992] (разноуровневого [Ермакова 2008], отфразеологического словообразовательного [Ван 2019]) гнезда. Под разноуровневым гнездом

понимается межсистемное образование, включающее фразеологизм и его лексические дериваты, созданные разными способами и упорядоченные отношениями формально-семантической производности на каком-либо хронологическом срезе [Ермакова 2008: 34]. Семантическое единство такого гнезда строится на общем значении, конденсированном в исходном фразеологизме, а структурное — на наличии во всех производных хотя бы одного компонента (основы компонента) производящего фразеологизма [Белоусова 1992: 14].

Судя по материалу Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), в конце XVIII — начале XIX в. в русском языке сформировалась серия фразеологизмов с опорным компонентом *ходули*: *поднимать(ся) / подняться на ходули* («создавать впечатление значительности, внушительности»); *стать на ходули, быть на ходулях* («гордиться собой», «испытывать чувство превосходства»), *подставлять ходули* («возвышать, облагораживать что-либо / кого-либо»). Ср.: «Какая-то на чертах его изображалась угрюмость, которая приводила меня в робкое молчание, а его *подымала на ходули*»; «Мало, конечно, чести спорить о столь низком предмете, но если люди низки и предмет такой в пору их мелким подвигам, то мое ли было дело *подставлять* под них *ходули* и возвышать их образ мыслей?» (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... Ч. 4. 1791–1798); «Несмотря на свое значение, они совсем не *на ходулях*, как большая часть таких людей, которым неожиданно улыбнулось счастье» (С. П. Жихарев. Записки современника. 1808–1809) и др.

По наблюдениям Ю. С. Сорокина, в русской критике 1820–1830-х гг. началась борьба с ложными эффектами классицизма и романтизма, их склонностью к «парению» над действительностью [Сорокин 1965: 460]. В связи с этим в приводимых ученым контекстах можно заметить изменения в семантике фразеологизмов *быть / стоять на ходулях, стоять / становиться / ставить на ходули, сойти с ходуль*: они начинают обозначать вычурность, высокопарность (и вместе с тем банальность) языка литературных произведений или неестественность художественных образов, их оторванность от реальности. Существительное *ходули* постепенно вычленяется из состава фразеологизмов и приобретает самостоятельное (мотивированное фразеологизмом) значение «о том, что содержит в себе (или сообщает кому-, чему-нибудь) высокопарность» [Чернышев (гл. ред.) 1965: 298]. В лингвистике это явление также получило названия *имплицирование компонента фразеологизма* [Ермакова 2008: 29], *вычленение компонента* [Блинова 2005: 68], *усечение фразеологизма* [Ташлыкова 1987: 124], *лексико-фразеологическая конденсация* [Пугач 1997: 29]. Приведем примеры из НКРЯ: «Что ни стих, то фигура, *ходули* беспрестанные <...> Бенедиктов блещит яркими, холодными фразами, звучными,

но бессмысленными или натянутыми стихами» (Н. В. Станкевич. Письма Я. М. Неверову. 1835); «Истинный русский человек ненавидит всякие *ходули*, всякое театральничанье. <...> На юбилеях, выборах и всяких официальных или публичных торжествах, устроенных по заранее составленной программе, нам или смешно, или скучно, все кажется, будто играешь комедию, и большей частью смешно» (И. С. Аксаков. Письма родным. 1849–1856).

Слова такого типа, как *ходули*, семантически соответствующие фразеологической единице и формально совпадающие с одним из ее компонентов, называются в лингвистических работах *отфраземными* и подразделяются на три типа: 1) изоморфные образования (не имеющие формальной или формально-семантической корреляции с другим словом); 2) омонимы существующих слов; 3) лексико-семантические варианты многозначных слов [Пугач 1997: 28].

Новое значение слова *ходули* является лексико-семантическим вариантом имевшейся в языке лексемы, оно было встроено в ее семантическую структуру (интегральная сема для первичного значения и значения, мотивированного фразеологизмом, — «поднимать»), и правильнее называть его не отфраземным словом, а отфраземным семантическим дериватом. Прилагательное *ходульный* появилось в середине XIX в. и было отфраземным словообразовательным дериватом, поскольку слова *ходульный* в значении относительного прилагательного в русском языке еще не существовало: самые ранние примеры употребления прилагательного в НКРЯ демонстрируют отфраземное значение (*ходульная эпопея, ходульная благонамеренность, актер ходульной школы, ходульная драма* и др.). Таким образом, то значение, которое в современном русском языке воспринимается как производное, переносное, исторически появилось раньше прямого («относящийся к ходулям, ходуле (в 1-м знач.)», например *ходульный шест* [Чернышев (гл. ред.) 1965: 299]).

Отвлеченное существительное *ходульность* стало употребляться в русском языке с 1860-х гг. Оно встречается в письме И. С. Тургенева 1872 г. в значении «надуманность, искусственность»: «Что же касается до Репина, то откровенно Вам скажу, что хуже сюжета я для картины и придумать не могу — и искренно об этом сожалею: тут как раз впадешь в аллегорию, в казенщину, в *ходульность*, “многозначительность и знаменательность” — словом, в каульбаховщину» (В. В. Стасову, 1872) [Тургенев 1999: 228].

Фразеодеривационное гнездо, включавшее рассмотренные неологизмы XIX–XX вв., можно представить следующей схемой:

X (глагол) на *ходули* / на *ходулях* → *ходули* → *ходульный* → *ходульность*
ходульно

Похожую со словом *ходульность* историю имело отвлеченное существительное *лазарничество*. Оно также было образовано в рамках фразеодеривационного гнезда, в котором наблюдается как имплицирование компонента фразеологической единицы, так и образование суффиксальных дериватов от него. Неологизм встречается в одном из писем А. И. Герцена: «Пошлю через недельку деньги Нид<ергуберам>, но теперь я вижу еще в более гадком свете их. Для чего писали вам — все это немецкое *лазарничество*» (М. К. Рейхель, 1853) [Герцен 1961: 74].

Это и несколько других слов разноуровневого гнезда были мотивированы фразеологизмом *петь Лазаря*, употреблявшимся в значениях «льстиво выпрашивать» и «жаловаться на свою судьбу, на затруднительное положение и пр.» и восходившим к традиции нищих, богомольцев и калек петь фольклорные духовные стихи о бедном Лазаре, прося милостыню [Даль 1905: 603]. Материал словарей и НКРЯ свидетельствует о том, что во второй половине XIX в. наблюдалось вычленение компонента этого фразеологизма: существительное *Лазарь* конденсировало в себе семантику всей фразеологической единицы, деонимизировалось и приобрело значение «льстивый и жалобный попрошайка» [Там же: 603]. Наричательное существительное *лазарь* стало производящим для двух глаголов: *лазарить* и *лазарничать*, которые были территориально ограничены в употреблении. Слово *лазарить* в значениях «плакаться, жаловаться на что-нибудь; жалобно выпрашивать, канючить», «притворяясь бедным, просить подаяния» употреблялось, например, в Петербургской, Псковской губерниях [Обнорский (ред.) 1915: 105], *лазарничать* («просить, побираться») — в Псковской и Тверской [Даль 1905: 603]. Производное от *лазарничать* существительное *лазарничество* в НКРЯ не отражено, встретилось нам только в письме А. И. Герцена, кроме того, оно зафиксировано в очерке Г. П. Данилевского «Пенсильванцы и каролинцы» (1860 г.) и получило лексикографическую фиксацию в словаре Академии наук под редакцией С. П. Обнорского [Обнорский (ред.) 1915: 105]. В других словарях эта лексема не регистрируется, случаи ее употребления единичны, производящий глагол имел диалектный характер, поэтому причислить ее к узуальным неологическим единицам нельзя. На наш взгляд, она принадлежала к потенциальной лексике, поскольку относится к узуальному словообразовательному типу (отглагольные существительные, произведенные с помощью суффикса *-(е)ств-* и имеющие значение «действие или состояние, названное мотивирующим глаголом (преимущественно действие, склонность, занятие человека)», ср. *лодырничество*, *угодничество* и др. [Лопатин, Улуханов 2016: 637]), и была понятна вне контекста, так как семантически мотивирована широко известным фразеологизмом.

Отфраземное образование имеет и слово *беспардонность*. Прилагательное *беспардонный* отмечается в НКРЯ с 1830-х гг., отвлеченное существительное — с 1875 г. В нашей картотеке употребление слова *беспардонность* датируется 1869 г.: «Есть не только патологическая разница от остановки мозга, но и разница логическая между вашей *беспардонностью* на словах — и откровенным скрутаторством моим и других»; «Язык Бак<унина> точно накануне катастрофы — его тешит быть пугалом одних, подавлять других смелостью *беспардонности*» (А. И. Герцен — Н. П. Огареву, 1869) [Герцен 1964: 207–208].

Адъектив *беспардонный* появился на базе устойчивого сочетания *без пардона*, имевшего значение «без прощения, помилования» (франц. *pardon*) [Чернышев (гл. ред.) 1950: 407]. Семантикой устойчивого сочетания было мотивировано и первоначальное значение деривата *беспардонный*, который впервые фиксируется в первом издании словаря В. И. Даля (1863 г.): «Нещадный, не дающий пощады, жестокий; отчаянный, сорви-голова», ср. примеры: *беспардонная резня, — голова* [Даль 1863: 69]. Дефиниция прилагательного, которое квалифицируется как принадлежность просторечия, в словаре Академии наук (1891 г.) уже включает значение «нахальный», свойственное современному русскому языку [Грот (ред.) 1891: 151].

Е. Н. Ермакова полагает, что дериваты типа *беспардонный* образуются агглютинативным способом: происходит «склеивание» компонентов фразеологизма и их превращение в единую морфему, одновременно агглютинированная основа осложняется словообразующим аффиксом, и появляется новая лексема [Ермакова 2008: 30], в нашем примере: *без пардона* → *беспардон* + *-н-* → *беспардонный*. Позднее в составе фразеодеривационного гнезда образуется отвлеченное существительное *беспардонность*. Такой способ словообразования напоминает сращение (с суффиксацией) только внешне: значение слов в составе устойчивого сочетания преобразуется, и производная лексема оказывается мотивированной семантикой целого фразеологизма, а не двух отдельных слов, как это бывает при сращении [Там же: 30].

Отфраземный дериват мог иметь окказиональное происхождение, затем начать воспроизводиться в какой-либо профессиональной среде и постепенно получить всеобщее распространение после изменений в семантике. Такова история существительного *отсебятина*, авторство которого, согласно словарю В. И. Даля, принадлежит художнику К. П. Брюллову. В. В. Виноградов писал: «Известно, что К. П. Брюллов расшатал классические устои русского живописного искусства. Он требовал от учеников точного воспроизведения модели в рисунке. <...> Любовь к жизни и природе у Брюллова вызывала резкий протест против художества “от себя”».

Таким образом, слово *отсебятина* экспрессивно отражало существенные стороны художественного мировоззрения Брюллова, его склонность к реализму» [Виноградов 1999: 420].

Неологизм фиксируется в первом издании словаря (1865 г.) со значением, связанным со сферой изобразительного искусства: «Плохое живописное сочиненье, картина, сочиненная от себя, не с природы, самодурью» [Даль 1865: 1328].

Существительное образовано на базе устойчивого сочетания разговорного характера *от себя*, имеющего значение «от своего имени, с своей стороны, исходя только из своей особы, из собственных вкусов, желаний и потребностей» [Виноградов 1999: 420]. Как и в случае со словом *беспардонный*, имело место «склеивание» компонентов фразеологизма с суффиксацией (суффикс *-ятин-* обладает разговорной окраской и выражает пренебрежительную оценку): *от себя* → *отсеб* + *-ятин-* → *отсебятина*. Материал НКРЯ говорит о том, что широкое распространение в речи слово *отсебятина* получает с 1880–1890-х гг. В это время намечаются изменения в семантике деривата, расширение сферы его употребления.

Применительно к театральному искусству этим словом характеризуется игра актера, отступающего на сцене от режиссерского замысла, добавляющего что-либо «от себя»: «Тогда в особой цене была сценическая находчивость. Против *отсебятин* не только не протестовали, но их одобряли, любили, ждали» (А. И. Шуберт. Записки актрисы. 1883).

В области литературного творчества так именуется художественное произведение, являющееся плодом воображения автора, не основанное на реальных событиях, фактах. Такое употребление лексемы встречается в письме А. П. Чехова. Интересно, что существительное *отсебятина*, используемое по отношению к смежным с живописью областям искусства, утрачивало отрицательную коннотацию. В письме драматурга оно выражает скорее положительную оценку: «Письма и дневники форма неудобная, да и неинтересная, так как дневники и письма легче писать, чем *отсебятину*» (И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 1892) [Чехов 1977: 123].

В письме Александра Павловича Чехова к брату словом *отсебятина* названы свои мысли, вербализованные при передаче чужих слов: «Я же всеми силами старался менее всего стеснять тебя и твоих своим присутствием и не предьявлял даже намеков на какие-либо удобства. <...> Поэтому фраза Миши <...> резанула меня по душе. Что, у тебя не хватило храбрости сказать мне это прямо или это “*отсебятина*” Миши?» (Ал. П. Чехов — А. П. Чехову, 1889).

Таким образом, к концу XIX в. в первоначальном значении существительного нейтрализуются семы «живописный», «картина» и формируются

компоненты, свойственные современному русскому языку: «собственные слова, вставляемые в чужую речь при ее передаче», «поступки, совершаемые самовольно, вопреки тому, что приказано, предписано» [Ожегов, Шведова 1997: 479].

К окказиональным единицам относится и существительное *гименомания* («стремление устроить чей-либо брак»), образованное на базе фразеологизма *узы Гименея*. Слово употребляется в письме А. И. Герцена по отношению к М. Мейзенбуг, которая хотела устроить семейную жизнь его детей: «Если б не Мейз<енбуг>, у которой вечные идеи *гименомании*, — и все ищет невест и женихов, — никто не говорил бы и не думал о пропасти семейного счастья» (Н. П. Огареву, 1867) [Герцен 1963: 33].

Итак, сопоставление эпистолярного материала с другими источниками второй половины XIX в. позволяет увидеть тенденцию к образованию ряда отфраземных дериватов как узувального, так и окказионального типа. Неологизмы могли появляться на базе лексикализованного компонента фразеологической единицы (*ходули, Лазарь*) или быть производными непосредственно от одного из слов в составе устойчивого сочетания (*Гименей*), а также образовываться от агглютинированных основ (*беспардон-, отсерб-*).

Источники

Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Письма. Т. 25. М.: АН СССР, 1961. 534 с.; Т. 29. Кн. 1. М.: АН СССР, 1963. 391 с.; Т. 30. Кн. 1. М.: АН СССР, 1964. 475 с.

Грот Я. К. (ред.). Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. В 9 т. Т. 1. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1891. 576 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 1-е изд. Т. 1. М.: Тип. А. Семена, 1863. 627 с.; Т. 2. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1865. 1351 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2 / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1905. 2030 с.

Обнорский С. П. (ред.). Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. В 9 т. Т. 5. Вып. 1. Петроград: Тип. Имп. АН, 1915. 320 с.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 11. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1999. 615 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 5. М.: Наука, 1977. 678 с.

Литература

- Алексеевко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. *Словарь отфразеологической лексики современного русского языка*. М.: Азбуковник, 2003. 395 с.
- Белоусова Т. П. Фразеологическая деривация в современном русском языке (лексические производные): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. Киев, 1992. 17 с.
- Блинова Е. В. Оказиональное отфразеологическое слово- и фразеотворчество в художественном тексте (на материале художественной литературы XX века): дис. ... канд. филол. наук / Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2005. 217 с.
- Ван Ц. Отфразеологические дериваты в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Московский пед. гос. ун-т. М., 1997. 199 с.
- Виноградов В. В. История слов. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с.
- Ермакова Е. Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2008. 42 с.
- Захарова Ю. Г. Эпистолярное наследие русских писателей как источник изучения неологии второй половины XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18 (4). С. 713–735.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С. *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 28.03.2024).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
- Пугач В. Н. Межуровневая деривация в сфере фразеологии современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук / Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 1997. 257 с.
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е годы XIX в. М.–Л.: Наука, 1965. 565 с.
- Ташлыкова М. Б. Фразеологизм как производящая единица: дис. ... канд. филол. наук / Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Томск, 1987. 220 с.
- Чернышев В. И. (гл. ред.). *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. Т. 1. М.–Л.: Наука, 1950. 767 с.; Т. 17. М.–Л.: Наука, 1965. 2126 с.

References

- Alekseenko M. A., Belousova T. P., Litvinnikova O. I. *Slovar' otfrazeologicheskoi leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of phraseological vocabulary of the modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 395 p.

- Belousova T. P. *Frazeologicheskaya derivatsiya v sovremennom russkom yazyke (leksicheskie proizvodnye)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Phraseological derivation in modern Russian (lexical derivatives). Abstract cand. phil. sci. diss.]. Kyiv, 1992. 17 p.
- Blinova E. V. *Okkazionalnoe otfrazeologicheskoe slovo- i frazeotvorchestvo v khudozhestvennom tekste (na materiale khudozhestvennoi literatury XX veka)*. Dis. ... kand. filol. nauk [Occasional phraseological word and phraseological creativity in a literary text (based on the material of fiction of the XX century). Cand. phil. sci. diss.]. Kostroma, 2005. 217 p.
- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. V 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vol.]. Vol. 1. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1950. 767 p.; Vol. 17. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965. 2126 p.
- Ermakova E. N. *Frazo- i slovoobrazovanie v sfere frazeologii*. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Phrase and word formation in the field of phraseology. Abstract Dr. phil. sci. diss.]. Tyumen, 2008. 42 p.
- Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-forming affixes of modern Russian]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian national corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed 28.03.2024).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.
- Pugach V. N. *Mezhurovnevaya derivatsiya v sfere frazeologii sovremennogo russkogo yazyka*. Dis. ... kand. filol. nauk [Interlevel derivation in the field of phraseology of the modern Russian language. Cand. phil. sci. diss.]. Volgograd, 1997. 257 p.
- Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka: 30-e – 90-e gody XIX v.* [The development of the vocabulary of Russian literary language: the 30–90th years of 19th century]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965. 565 p.
- Tashlykova M. B. *Frazeologizm kak proizvodyashchaya edinitsa*. Dis. ... kand. filol. nauk [Phraseology as a producing unit. Cand. phil. sci. diss.]. Tomsk, 1987. 220 p.
- Van C. *Otfrazeologicheskie derivaty v sovremennom russkom yazyke*. Dis. ... kand. filol. nauk [Phraseological derivatives in modern Russian. Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 1997. 199 p.
- Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow, Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov RAS Publ., 1999. 1138 p.
- Zakharova Yu. G. [Epistolary heritage of Russian writers as a source of studying neology of the second half of the XIX century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2021, no. 18 (4), pp. 713–735. (In Russ.)